

Исповедь

Непросто найти в нашей стране личность, которая привлекала бы столь пристальное внимание деятелей самых различных сфер — музыки, большого бизнеса, охраны правопорядка и большой политики. Иосиф Кобзон — знаменитый певец, видный политик, удачливый бизнесмен плюс, по глубокому убеждению распространителей слухов, один из богатейших людей страны и крестный отец российской мафии... Не многовато ли для одного скромного народного артиста СССР?

Для того чтобы получить ответы на все вопросы, волнующие наших читателей, Евгению Сафронову (агентство "ИнтерМедиа") пришлось встретиться с Иосифом Давыдовичем несколько раз.

ИОСИФ КОБЗОН:

Коньяк нельзя пить из тонких стаканов

Евгений САФРОНОВ

Иосиф Давыдович, народ волнуется. О какой музыке может идти речь? Раз Иосиф Кобзон, значит, бизнес, мафия, политика... Зарубежная пресса, наши информационные агентства просто так и сыплют "жареной" информацией. Что происходит?

— Видите ли, сейчас русский криминал — очень популярная в мире тема плюс, скажем так, некоторая личная известность — вот вам и сенсация на весь мир, мол, российский Фрэнк Синатра. Разумеется, все это делается по заказу людей, имена которых называть не буду, пока нет прямых доказательств. Самое неприятное, что люди верят всему этому. Я уже получил анонимное письмо от офицера Российской армии. Он пишет: "Как же так, вы для нас были таким... и кем вы стали — мафиози, который покупает министров обороны, газеты, журналы, телевидение". Ну просто черт знает что. Оказывается, я приезжаю, пою в Томске один концерт и освобождаю уголовного преступника — об этом пишут на страницах газеты. Я звоню начальнику ГУВД Томска, говорю: "Там пишут, что имел беседу с вами, после чего вы выпустили преступника". Он говорит: "Какого преступника, какие беседы? Они что, с ума посходили?" Пишут, что содержу "Московский комсомолец". Что хотят, то и пишут! Особенно удивляет позиция ИТАР — ТАСС, сообщившего на весь мир об отказе мне в выдаче визы в США так, как будто это самое главное событие в мире. Старающимися спецора Кислинской в сообщении, растрогаиваемом газетками и радиостанциями, мне было приписано то, чего даже американцы не приписывали. После этого я обратился к Виталию Никитичу Игнatenko с вопросом — объективную ли информацию распространяет ИТАР — ТАСС? Конечно, ответил он. Я спросил: "Тогда почему же агентство не публикует письмо деятеля культуры в защиту Кобзона?". Г-н Игнatenko заверил меня в том, что письмо будет распространено по каналам агентства, но сделано этого не было. Вот и ответ на вопрос об объективности ИТАР — ТАСС.

— Группа деятелей культуры обратилась с письмом в вашу защиту. Вообще говоря, к "подписантам" у нас в стране особое отношение. Чья была инициатива?

— В этот период меня не было в Москве. Инициативу проявили мои друзья — Быволод Иткин и Эдуард Смольный, за что я им очень благодарен. Поимите, не столько за себя, сколько за объединение творческой интеллигенции — ведь это произошло впервые за последнее время. Поимите, творческим людям просто надоело, что с ними считаются только перед выборами и референдумами. К сожалению, и это обращение, и мое письмо к Президенту остались без ответа.

— И все же знающие вас люди считают, что вы не будете сидеть сложа руки.

— Конечно. Что касается различных газет, то есть простой способ — предъявить иск миллионы на сто как минимум, чтобы это было чувствительно. К сожалению, наш закон в этом вопросе недостаточно жесток, но если бы один раз суд признал серьезный иск, к примеру, на 100 тысяч долларов, никогда уже такой гнусной клеветы ни одна бы газета не написала, боясь разорения. Певать им на Кобзона, но они себя любят, о себе думают. Они обязательно, прежде чем напечатать, проверили бы факты. Потому что они понимают: сегодня они Кобзону заплатили 100 миллионов, завтра Петрову — 300 миллионов, и все, они вылетели в трубу.

— Но с американской газетой, из-за публикации в которой у вас возникли неприятности с Госдепартаментом США, вы решили не судиться?

— В США иная практика. У нас подают в суд на газету, если она публикует непотребную информацию и не отреагирует на опровержение в течение месяца. Это дает право обратиться в суд с гражданским иском. В США иначе: адвокат направляет в газету запрос — располагает ли она соответствующими фактами? Если да, то газета обязана их предъявить. Было написано "по сообщениям ЦРУ" — эти сообщения должны быть предъявлены адвокату, тогда адвокат может предъявить иск ЦРУ, а не газете. Сейчас мои адвокаты ведут переписку с газетой. Яности пока нет, но, как мне кажется, раз газета пошла на публикацию, значит, они подготовились к тяжелой и длительной борьбе. В МИДе рассматривается мое обращение — они ведут переговоры с посольством США о возобновлении моей визы. Но на самом деле я готов подождать — меня больше волнует судьба моей дочери, которая окончила там школу и первый курс Нью-Йоркского университета. Теперь ей предстоит второй курс, и ей прозрачно намекали, что не дадут студенческую визу до тех пор, пока не решится ситуация со мной. Она им ответила, что гордится своим отцом и не согласна с обвинениями, но даже по американским законам дочь не имеет никакого отношения к действиям отца. Они сказали: мы рады, что вы знаете наши законы, но тем не менее мы подождем.

— Будем открытены — общественное мнение с

удовольствием подхватывает версию о криминальном происхождении вашего богатства. Не пора ли, наконец, из ваших уст услышать — на чем вы делаете деньги?

— Принадлежащее мне и моим партнерам АО "Московит" сейчас — холдинговая компания. Наши главные направления: "Московит шоу" занимается презентациями, культурными программами, туризмом, "Московит шугар" — сахаром и другими продовольственными товарами, "Московит металл" — изготовлением ферросплавов и маркетингом по металлу; "Московит ойл" — переработкой нефтепродуктов.

— Это все, чем вы занимаетесь?

— Нет, конечно. Плюс благотворительность — два детских дома в Туле постоянно получают помощь от нас, мы провели уже четыре телемарафона — один из них был посвящен черноморской трагедии. Помимо этого, уже лично я веду кафедру эстрадного вокала в Академии музыки имени Гнесиных, занимаюсь общественным советом УВД, фондом "Щит и лира" (мы помогаем семьям погибших милиционеров)... Кстати, я ведь еще и пою.

— Очевидно, на это просто не остается времени?

— Остается. Появляются новые песни, предлагаю мне, я их с удовольствием беру, если вижу, что это мое, если мне интересно с этим работать. Где бы я ни был, везде приходят композиторы, самодельные, профессиональные, предлагают свои сочинения. Приходится из всего этого большого количества выбирать то, что приемлемо для меня (И.К. молвит "да, кстати", берет со стола партитуру песни, вызывает по селектору бесценную помощницу Варвару и просит передать партитуру Богдану Титомирову). Количество моих выступлений, конечно, сократилось — сейчас мне приходится выезжать и с деловыми встречами, беседами, работать по бизнесу. Приходится много делать тех дел, которые мешают мне как артисту. Приходится жить двумя жизнями двух друг друга не очень любящих людей — артиста и бизнесмена. В данном случае у меня нет с ними никакого контакта, потому что один мешает другому. Артист не мешает бизнесмену Кобзону, потому что он как-то располагает людьми; а вот бизнесмен Кобзон мешает очень, потому что отнимает массу нервов, времени и энергии. Когда я забываюсь на концертах, просто как артист, без охраны, без сопровождения куда-то приезжаю — меня встречают люди со светлыми лицами, улыбки, радости, я для них работаю, они аплодируют, приходят за кулисы, и я себя чувствую совершенно другим человеком. Когда я возвращаюсь в Москву и начинаются все эти тряска, тревожения, наступают совсем другая жизнь. Вообще гастроли для меня — возможность вырваться подальше из сумятицы Москвы.

— Каков ваш рейтинг по вашему, конечно, ощущению? Говорят, у вас самые высокие гонорары в стране.

— Распутин, Пугачева, Киркоров, Леонтьев зарабатывают, конечно, больше. Не хочу сравнивать нас в творческом отношении, определять рейтинги — кто выше — просто потому, что здесь выступают рыночные отношения. Они собирают большие аудитории, и я искренне радуюсь, что мои коллеги получили возможность жить достойно, цивилизованно. Меня же никогда не волновало сравнение наших гонораров.

— А давно ли такое было, чтобы вас критиковали по творческим вопросам? По общему мнению, вы вне критики в целом.

— Неправда, я также подвержен критике, но, к сожалению, акцент критики переместился от творчества к другим делам: к бизнесу, к политике, к общественной деятельности — не нравится это. Кому? Вы сами посудите, стала бы та же Кислинская бодаться с Кобзоном, если бы за ней не стояли очень серьезные ребята?

— Все-таки вы никак не можете отвлечься от этих злополучных исков, а ведь вопрос был о творческой критике. Наверное, народному артисту большой бизнес противопоказан.

— Э, нет! Я не могу сказать, что не испытываю удовольствия от ведения бизнеса. Меня ведь никто не обязывает работать. Мне это очень интересно, хотя отнимает очень много времени. Есть какой-то даже элемент азарта в этом: получится или нет? Имидж певца сказывается на взаимоотношениях с бизнесменами: дескать, чего это он, пусть себе поет, что он понимает в этом. Они забывают, что для меня бизнес — это не "купи-продай". Для меня бизнес — это хорошая организация, хорошая мысль, хорошая информация, подготовленность. Ведь я практически не понимал, что такое медицина и фармакология. Для того, чтобы этим заниматься, я читал книги, мне стало интересно это все. Я никогда не знал, что такое нефть, не знал, что такое металл, что такое сахар, почему у нас дефицит, почему его нужно продавать-покупать... Откуда наценки и накрутки, правомерны ли они? Начинаешь этот интересоваться, чтобы создать конкуренцию, чтобы выйти вперед — именно за счет хорошей организации производства. А тут наезжают люди, которые охраняют чужой бизнес, и гово-

рят: "Вы нам сбиваете рынок". Мы не сбиваем — продавайте так же, как мы. А они не могут так продавать, потому что они рассчитывают только на большие деньги, на быстрые деньги. Мы же рассчитываем не на это, а на длительную перспективу.

— В консервативной политэкономии изучали?

— Конечно, но я ведь еще и Горный техникум окончил.

— Помогло?

— Очень помогло. Я всегда своим детям говорю: все мы, изучив какой-то предмет, забываем о нем. Прошли сопромат, металловедение — и тут же забыли. А потом это все при необходимости, как из кладовой, достаешь. Берешь какой-то материал и не смотришь уже, как баран, а что-то понимаешь, начинается возвращение того образования, которое получил. Я ведь еще заканчивал Университет марксизма-ленинизма. С отличием, между прочим. И не считая, что у Маркса теории ошибочны, порочны. Там очень много полезного и интересного.

— Тогда вопрос как бизнесмену: с одной стороны — государство с его законами, с другой — люди типа Вячеслава Иванькова-Япончика, о котором вы, впрочем, весьма положительно отзываетесь... Действительно ли в нашей стране ситуация для бизнеса становится все более невыносимой?

— Нет! Все идет так, как должно быть, — бурный поток, который несет все подряд; и воровство, и грязь, и предательство, и все что угодно. Все вместе. Я надеюсь, что это нормальный процесс становления, потому что страна перешла к рыночным отношениям неподготовленной, мы все жили в совершенно определенном режиме социалистическом, где "от каждого по способностям, каждому по труду" — как бы. Некоторые из моих коллег за год не пели ни одного концерта и получали зарплату. Ни в одной стране не было Союза композиторов или Союза писателей — есть профсоюзы, клубы, это другое дело. Нет такого, чтобы композитор, получив образование, не весть каким образом, уже до конца дней своих был обеспечен зарплатой, будучи членом союза. А талантливые люди — такие, как Мартынов, Добрынин, Пономаренко, годами не принимались в союз. Человек, который грамотно мог написать любую абакадабру, названную сюитой, сонатой, симфонией, становился членом союза и до конца дней получал хорошую зарплату. Это разве не противоречие? За рубеж посылали тех, кого хотели посылать, роли давали тем, кому хотели даваться. Сейчас есть соответствие: ходят на артиста — значит ему и должны давать роли; выезжают на зарубежные гастроли те артисты, которые играют эти спектакли, а не те, кому нужно дать возможность выехать. Это — в музыке, но можно сказать то же и о бизнесе в целом — прямое соответствие, все начинает становиться на свои места. Привлекающие сейчас всеобщее внимание люди типа того же Вячеслава Иванькова вошли в новый бизнес быстро и уверенно по всей вертикали — от правительства до низов.

— Вам удалось и сына убедить заняться бизнесом. Он начинал как музыкант, а теперь занимается рестораном "Maxim's", который, по слухам, принадлежит вам?

— Очередная утка. Ребята — Сергей Захаров и мой сын Андрей — все сделали сами. Они основали фирму "Джусто", побывали в Париже, встретились с Петром Карденом — владельцем "Максима", получили от него добро, провели переговоры с мэрией Москвы и гостиницей "Националь", взяли кредит в банке, провели реконструкцию. И вот в центре Москвы открыт ресторан, ценный не как заведение общепита, а как центр российской культуры. Смешно, когда ваши коллеги пишут, что ресторан принадлежит Кобзону и Кардену, что Кобзон вложил 500 тысяч. На самом деле, Карден вложил торговую марку и получает свои 10 процентов (кстати, в любой момент он вправе снять название "Максим"), 20 процентов с оборота получает "Джусто", а сам ресторан принадлежит гостинице "Националь" и мэрии Москвы. Какого я к этому имею отношение? Я просто курировал этот вопрос, чтобы ребята не сделали ошибок.

— Они не сделали ошибок? Вы довольны?

— Пока ни одной. Люди они достаточно серьезные — непьющие, некурящие, увлеченные. Почему бы не быть довольным?

— Газета "Daily telegraph" с плохо скрываемым восхищением сообщила, что ресторан "Maxim's" — самый дорогой в мире. Действительно ли это так, и кто же тогда его посетители?

— Как и в Париже, ресторан посещают представители самых различных категорий и слоев общества. Что касается цен, то нужно понимать, что "Maxim's" — ресторан не на каждый день, отсюда и цены. В конце концов мы должны привыкнуть, что нельзя пить коньяк из тонких стаканов, особенно французский.

— А себя вы считаете удачливым бизнесменом?

— Во всяком случае, успешным. Не удачливый, а успешный. То, чем мы занимаемся, дает свои ощутимые плоды.

— Да, в модных в последнее время рейтингах

По мнению газеты "Едиот Ахронот"

Отказ компетентных органов США продлить въездную визу популярному в бывшем Советском Союзе и сегодняшней России певцу И.Кобзону далеко не случаен", — считает весьма осведомленная израильская газета "Едиот Ахронот". По мнению газеты, решение американских властей связано с принадлежностью И.Кобзона к "русской мафии".

Ссылаясь на ряд источников, газета утверждает, что "И.Кобзон не просто рядовой член мафии, а один из ее лидеров. Будучи евреем по национальности и занимая влиятельное положение в России, И.Кобзон стал своего рода "министром иностранных дел" мафиозных группировок в России. Он выступает в средствах массовой информации от имени "воров в за-

коне" и фотографируется со многими из них. Более того, И.Кобзон избран казначеем совместной кассы всех мафиозных группировок в Москве. Он распоряжается средствами мафии, выделяемыми для специальных целей, например, на взятки тем, кто может обеспечить прекрасные условия для находящихся в тюрьме членов мафии".

"Едиот Ахронот" информирует своих читателей о том, что И.Кобзон сам является крупным бизнесменом. Вместе с проживающим в Москве израильским миллионером Калмановичем И.Кобзон является совладельцем крупнейшей в России фирмы "Лиа-Натали" по продаже продуктов питания и лекарств.

Из сводки ИТАР — ТАСС.

ролировал в США. Конечно, приезжал и по вопросам бизнеса — чаще всего для переговоров с нашими основными американскими партнерами, фирмой "Tigmar". Приезжал с семьей на отдых... Да, в бытность народным депутатом СССР по приглашению сенатора Фрэнка Латтенберга я выступал в американском сенате.

— С концертом?

— С докладом.

— Вот мы и подошли к последним событиям. Бизнеса вам уже мало, вас прельщает карьера государственного деятеля?

— Видите ли, общение с существующим режимом пока проходит не на равных, а мои возможности активно влиять на общественно-политическую жизнь уже заканчиваются, мне — пятьдесят восемь. Конечно, я попытаюсь использовать свои возможности для того, чтобы помочь культуре общества своими знаниями, опытом и интеллектом. Движение "Мое Отечество" — молодое, здоровое, его сила — в дисциплине, уме и энергии. Даже если в этом году на выборах движение не победит, я уверен — за ним будущее.

— По последним сведениям, вы выдвигаете свою кандидатуру и в качестве независимого кандидата?

— Да, это действительно так. Но не в Москве. Я ведь народный артист Дагестана, заслуженный артист Чечено-Ингушетии и Адыгеи, поэтому в качестве независимого кандидата я выдвинул свою кандидатуру в Государственную думу в Ингушетии.

— Буквально перед самым отъездом на гастроли в Корею вы заявили о выходе из блока Рыбкина. Говорят, это серьезно подорвало позиции блока: и в связи с уходом известных людей — ваших товарищей по движению, и в связи с потерей источника финансирования в вашем лице. Можете прокомментировать?

— Давайте будем точными — о выходе заявил не лично, а координационный совет движения. Мое согласие на это заявление было получено по телефону — в избирательном списке я занимаю третью позицию и полностью доверяю лидерам движения, моим друзьям и людям, действительно весьма уважаемым в стране, — генералу Громову, академику Шаталину и Виктору Мишину, который в списке идет четвертым. Что касается финансирования движения, то должен разочаровать: пока ко мне с этим вопросом никто не обращался. Об источниках финансирования лучше всего, наверное, знает Виктор Максимович Мишин, а я, ей-богу, не задавался этим вопросом. Хотя, конечно, в ходе предвыборной кампании не исключено мое участие в различных акциях, концертах, организуемых для сбора средств.